25.09.2015 / 11:57

Угрожали, били электрошокером, сломали челюсть: обвиняемые по «делу граффитистов» рассказали подробности

На текущий момент в Беларуси нет политзаключенных. Накануне выборов на свободу вышли Николай Статкевич и отбывавшие заключение анархисты.

Тем временем пятеро молодых людей остаются в неведении, чем закончится расследование их «дела граффитистов». Обвинение не снято, однако ребят выпустили под подписку о невыезде. Рассмотрение их дела состоится уже после выборов.

Напомним, пятеро молодых людей: Ярослав Ульяненков, Максим Пекарский, Вячеслав Косинеров, Вадим Жеромский и гражданин России Павел — были задержаны с применением силы 11 августа. В вину им вменили создание белорусскоязычных граффити «Беларусь мае быць беларускай» («Беларусь должна быть белорусской» и «Рэвалюцыя свядомасці» («Революция сознания»), а также то,что они вымазали краской социальный баннер с изображением сотрудников милиции по ул. Горецкого в Минске. Действия граффитистов квалифицированы как злостное хулиганство, им грозит до 6 лет заключения. Правозащитники признали задержанных молодых людей политическими заключенными.

Ярославу Ульяненкову 32 года. Он ипэшник, занимается оптовой торговлей продуктами питания. Недавно у него родилась дочь.

Один из задержанных, **Ярослав Ульяненков**, уже рассказывал «Нашей Ниве», как его задерживали люди в масках с пистолетами, выбив при этом дверь квартиры. Теперь свои истории рассказывают другие фигуранты громкого дела.

«У меня рот наполнился кровью, я ее глотал, чтобы не запачкать пол»

«Это произошло 11 августа. Приблизительно в половине четвертого кто-то позвонил в дверь. Одетый обычно мужчина сказал, что он якобы сантехник, а у меня проблемы с туалетом. Минуты две мы с ним спорили, я объяснял, что все у меня в порядке, он настаивал, что нет, — начинает рассказ **Вячеслав Косинеров**. — Ни о какой милицию речи не было, но я начал догадываться, что происходит. Я понял, что если не открою, то дверь просто выломают. Кроме меня, дома были жена и маленькая дочка, которой чуть больше года.

Я открыл, в квартиру мгновенно ворвались несколько человек, меня поставили на колени, заломили руки. Надели наручники и в лицо на пару секунд ткнули обвинением.

Все, что я успел прочитать, это была строчка о граффити «Беларусь мае быць беларускай». Я вовсе не сопротивлялся, только говорил, чтобы мои «гости» вели себя адекватно и не кричали, поскольку в доме жена и ребенок. Спросил, есть ли бумаги на обыск, ответили, что есть, но никто мне их не показал. Никто не называл ни имен, ни званий. Все, кроме одного, были одеты в штатское. Потом из их разговоров я понял, что это были оперативные сотрудники».

Вячеслава вывели под руки по лестнице, бросили в микроавтобус, поставили на колени. Парень рассказал, что заметил, как некоторые милиционеры снимали бронежилеты, надетые под гражданской одеждой. Интересно, к чему они так готовились?

Жена с дочерью остались в квартире. Там несколько сотрудников проводили обыск.

27-летний Вячеслав Косинеров. У него высшее историческое образование, ранее работал в Музее белорусской народной архитектуры и быта, но ушел, ведь платили 2—3 миллиона, а у Вячеслава жена и годовалая дочь. В настоящее время работает на складе

«При задержании меня не избивали. Но когда мы отъехали, кто-то из них спросил мою фамилию, имя, отчество. Я был в стрессе, и не то тихо ответил, не то не так быстро, как следовало, но тут же получил сильный удар в челюсть. Я занимаюсь тайским боксом, и могу уверенно сказать — мне «прописали» хороший хук. У меня сразу рот наполнился кровью, я несколько раз ее сглатывал, чтобы не запачкать пол, — говорит Косинеров. — Еще такой момент — мне слишком плотно зажали руки наручниками. Я попросил, чтобы расслабили, выяснилось, что ключ от наручников они оставили где-то у меня дома».

Вячеслав утверждает, что в управлении по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП) началось давление на него: мол, мы все знаем, давай колись, «грузись», пиши все, как было. На него давили: «Сейчас ты сядешь, жена с ребенком останутся одни, что, не любишь их?» Говорили: «Вами мы занимаемся давно, вы полгода у нас в разработке, мы все о вас знаем». Причем, отмечает Косинеров, милиционеры упоминали моменты и какие-то мелочи, которые он обсуждал только с женой по телефону.

«Примечательно, что когда меня из ГУБОПа передавали в Следственный комитет, я зашел в один из кабинетов, а там на стенах, как почетные грамоты, висели так называемые «розы»- шарфы футбольных клубов «Торпедо» и «Динамо», не обычные, а фанатские, с кельтскими крестами. Их было штук десять. Кабинет этот принадлежал одному из тех, кто интересовался моими анкетными данными. К сожалению, имени и звания его я не знаю», — говорит Косинеров.

В ГУБОПе он встречался с адвокатом, показаний еще не давал. Челюсть очень болела, пожаловался на это. Вячеслава увезли в челюстно-лицевое отделение.

Там выяснилось, что у него двойной перелом челюсти с открытой раной во рту. Наложили шину — это когда через каждый зуб протягивают проволоку и стягивают челюсти. При этом, говорит парень, снимать наручники милиционеры отказались.

«Врачи положили меня в стационар. Обкололи обезболивающим, плюс та шина — разговаривать я фактически не мог. Оперативники еще с полчаса решали, как меня приковать наручниками к кровати. Я просил, чтобы наручники сняли

вообще — чувствовал себя очень плохо плюс палата на третьем этаже, куда я бегу? Но нет, отказались, — рассказывает Косинеров. — На следующий день на все процедуры я ходил с оперативниками. Даже туалет они проверяли перед тем, как меня туда запустить. А на следующий день оперативников сменили конвойные и настал ад. Один находился в палате, двое — у дверей. Конвойные вообще долго не разговаривали. Однажды они вели меня на снимок и запутались в коридорах. Как только я остановился и кивком хотел показать, в какую сторону идти, меня сразу прижали к стене, крича буквально в одно слово: «Шагвсторонупрыжокнаместепопыткакбегствуогоньнапоражение!!!» А когда я чистил зубы, что надо было делать после каждого приема пищи, двое конвойных стояли рядом, один с дубинкой в руках — у окна.

Потом я два дня лежал в кровати, прикованный наручниками, даже в туалет ходил в наручниках.

На процедуры и в столовую уже не водили, приносили все в палату. С соседями по палате — а я был в общей — разговаривать не давали. Причем за двое суток этих самых конвойных около 20 раз приезжали проверять».

Спустя два дня конвой сняли. Вячеслав остался в больнице. Всего он лежал там около 9 дней. Из-за перелома челюсти не мог нормально есть — зубы были сжаты. За неделю сбросил 7 килограммов.

«Во время встреч со следователями вменяли мне и граффити, но я видел, что они и сами все точно знают, кто и что делал. Я признал свою вину по замазанному краской билборду. Штраф заплатили и я, и Вадим примерно по 3,5 миллиона, — говорит Косинеров. — Теперь каждую неделю нас таскают на допросы. Еще и облили грязью нас всех, сделали преступниками, чуть ли не террористами».

Косинеров может долго рассказывать о нарушениях в ходе расследования.

«Например, экспертиза должна проводиться после того, как подозреваемый будет о ней информирован. Но нам сообщили только 31 августа, когда Следственный комитет уже вывесил сообщение с результатами экспертизы, — говорит Вячеслав. —

Причем мы выступаем против нацизма и неонацизма, а эксперты признали, что материалы, которые нашли у нас, — экстремистские, содержат нацистскую символику. То есть перечеркнутая свастика пропагандирует нацизм? Это же абсурд!»

Во время обыска у Косинерова изъяли телефоны, два компьютера, всю обувь и кое-что из одежды. «Мне сейчас ходить не в чем», — жалуется он.

Во время самого обыска понятые находились в одной комнате, а оперативники — по несколько человек в другой, рассказал парень со слов матери и жены. Это нарушение, но так же проходили обыски и у остальных парней.

«Заявление на «соброовца», который меня ударил, я написал позже. Лицо его я видел. После этого в течение недели еще было какое-то движение — меня вызвали в Следственный комитет и очень подробно расспрашивали о задержании: не могли ли меня ударить дверью, когда входили, не падал ли, когда меня выводили. Брали у меня генетический материал, чтобы сравнить с тем, что обнаружили в микроавтобусе, я даже рисовал им схему, где в машине находился я, и где «собровец». Но последние две недели — тишина», — говорит Вячеслав.

«Ну что, суки, советскую власть не любите?»

Рассказал о своем задержании и **Максим Пекарский**.

«Я со своей девушкой Анастасией и другом Вадимом Жеромским снимаем двушку на третьем этаже пятиэтажки. 11 августа мы были дома втроем — Анастасия поехала по делам, но у Вадима гостил знакомый из России. День был

теплый, мы открыли окна, — говорит Максим. — Я услышал какой-то шум за окном, и вдруг в квартиру через окна залетели два человека в полной экипировке с оружием. Они под свою же ругань сбили нас с ног, положили на пол, причем один из них кричал: «Ну что, суки, советскую власть не любите?», а другой: «Восемьдесят восемь!», Что меня удивило [в неонацистских кругах цифры 88 являются закодированным приветствием «Heil Hitler!» («Хайль Гитлер!»), поскольку буква «H» стоит в латинском алфавите восьмой — «HH»]. Один из них сразу подбежал к двери, открыл, и в квартиру забежали несколько человек тоже в экипировке и несколько в штатском. Всего их было около 10 человек.

Сразу понеслась ругань, угрозы, мол, нас закроют в тюрьму и мы оттуда больше не выйдем, КГБ нами будет заниматься и так далее… Говорили, что мы якобы хотим, чтобы произошло то же, что и в Украине, поэтому нас и берут».

Троих парней развели по разным помещениям. В каждой комнате одновременно находилось по несколько сотрудников милиции, причем обыск фактически начался сразу, а понятых привели только минут через двадцать, утверждает Максим.

«Пока понятых не было, нас держали на полу, били электрошокером, били ногами. Мне говорили, что и мою девушку посадят в тюрьму, что они знают, где она», — рассказал он.

То, что считали нужным, милиционеры откладывали в одну кучу: краски, ноутбуки, одежду. Причем обыск проводили, не церемонясь, например, разбили стеклянную полку. Ни званий, ни фамилий никто не называл.

24-летний Максим Пекарский занимается веб-дизайном. Свой день рождения он встретил на Володарке

«Краем уха я услышал, что был какой-то Монастырный и какой-то Луневич», — вспоминает Пекарский.

Луневича вспоминает и Ярослав Ульяненкав, которого также задержали 11 сентября.

«Игорь Павлович Луневич — звания не помню — оказывал психологическое давление на меня. Он угрожал тем, что доберется до моей беременной жены, которая находилась в Могилеве. Говорил: «Зачем тебе те козлы, тебе ребенка растить, говори то, что нам нужно, — и о тебе через месяц забудут», — рассказывал Ульяненков.

Пекарский продолжает: «Потом мне позвонила моя девушка, Анастасия. Телефон взял один из милиционеров, сказал ей, что будто я на велосипеде сбил ребенка, и Анастасия должна подъехать в ГУБОП: мол, возможно, она поможет, чтобы родители того ребенка забрали свое заявление.

Она приехала, и ее продержали несколько часов без адвоката, расспрашивали насчет ребят и граффити, давили на нее, протокол никто даже и не составлял. Потом Анастасию отвезли в Следственный комитет как свидетеля».

Наконец, вещи изъяли, парней повели в машины. Кстати, протокол об изъятии имущества, говорит Максим, он увидел лишь спустя месяц.

Парней отвезли в ГУБОП. По их словам, постоянно на них давили, говорили, чтобы они подписывали признания, потому что остальные якобы уже дали показания.

«В ГУБОПе я и Анастасия были в соседних помещениях. Я слышал, как она голосила, плакала. Потом милиционеры говорили, что Анастасии стало плохо, что ей вызвали скорую и в больницу увезли. Но они лгали», — говорит Пекарский.

Парню из России, Павлу, приказали, чтобы он в тот же день уехал из Беларуси, после чего отпустили.

На следующий день Максима отвезли на Окрестина. Там он провел трое суток. Затем — на Володарку, откуда его выпустили только 31 августа. Кстати, свой 24-й день рождения парень встретил за решеткой. Как раз в этот день, 20 августа, ему предъявили обвинение.

Максим признает, что наносил эти граффити. Но и он, и остальные не согласны с тем, что их действия внезапно попали под статью Уголовного кодекса.

«Мы не признаем хулиганство. На той же стене было много других граффити, но милицию заинтересовало только это. Почему? Почему дело с билбордом переквалифицировали с «повреждения имущества» в «хулиганство»? Мы таким творческим методом выражаем свои убеждения, испортили стену — хорошо, заплатим. Но причем здесь криминал? Экстремизм?» — говорят граффитисты.

О многом Максим не может говорить — он подписал расписку о том, что не может разглашать материалы дела. Но ребята уверены, что молчать им не следует, и пытаются придать огласку этому делу.

«Все, что не совпадает с мнением властей, рассматривается как экстремизм. В настоящее время начинаются репрессии против тех, кто может принять участие в протестных акциях. Людей запугивают «Майданом». И нас хотят то ли запугать, то ли посадить «на всякий пожарный». Они думали, что сделают это тихо, но тихо у них не получилось — наша история попала в СМИ, с нами беседовали даже журналисты из Германии. И милиционеры испугались того, что наделали, ведь они явно превысили свои полномочия, — говорят граффитисты. — Мы хотим, чтобы наша ситуация стала уроком для других, чтобы люди раскрывали все подобные случаи, не молчали, запуганно не сидели. В обществе должна быть солидарность».

Влад Шведович, фото Ирины Ареховской

ЧИТАЙТЕ ЕЩЕ

По всему миру белорусы вышли на акции, посвященные чернобыльской годовщине ФОТО

В Ждановичах под Минском поставили дорожный знак, не предусмотренный ПДД

«Увидел запустение. Людей почти нет, все закрыто». Какой увидел Беларусь политзаключенный после выхода из колонии 3

Вышел на свободу политзаключенный Дмитрий Абрамук